

ИСКУССТВО КОНТРРАЗВЕДКИ: УРОКИ

Надежда Звягинцева,
Фото Из Личного Архива В.и. Бугреева

Ежегодно 15 февраля королёвцы отмечали День памяти воинов-интернационалистов: приносят цветы на Мемориал Славы, чтобы возложить их к памятнику, установленному в честь земляков, погибших в «горячих точках», отдают дань уважения ветеранам боевых действий. Советник генерального директора, председатель Совета ветеранов войны, труда, боевых действий и военной службы АО «КТРВ» генерал-лейтенант Владимир Бугреев, будучи сотрудником военной контрразведки КГБ СССР – ФСБ России, принимал участие в различных военных конфликтах. Читатели «Калининградской правды» уже знают, как проходила его служба в Группе советских войск в Германии и Афганистане. Владимир Иванович также был командирован в Чечню во время первого вооружённого конфликта в 1995 году. Он согласился рассказать и об этом периоде, а ещё поделился своими взглядами на текущую международную ситуацию. Символично также, что встреча произошла в преддверии Дня защитника Отечества.

– Какие задачи перед Вами поставили, направляя в Чеченскую Республику на фоне начавшегося вооружённого конфликта?

– В Чечню меня направили с должности начальника Управления военной контрразведки Забайкальского военного округа в воинском звании генерал-майора. Был назначен руководителем оперативного штаба ФСК России (Федеральной службы контрразведки РФ, затем – ФСБ России), действовал под фамилией Громов.

Первая и вторая чеченские войны (1994–1996 и 1999–2009) стали прямым следствием распада СССР. На фоне ослабления центральной власти в Чечне усилились сепаратистские настроения. В 1991 году была провозглашена независимая Чеченская Республика Ичкерия. В официальных кругах территории по-прежнему считалась субъектом РФ. Противостояние вылилось в вооружённый конфликт, который завершился Хасавюртовскими соглашениями, фактически предоставившими Чечне независимость и приведшими к хаосу и росту преступности. Вторая чеченская война началась после вторжения боевиков в Дагестан и серии терактов в российских городах, в том числе в столице. Она завершилась восстановлением федерального контроля над регионом и отменой режима контртеррористической операции (КТО).

Мы обеспечивали поступление оперативной информации. В тот период командующим армейской группировкой Северо-Кавказского военного округа был генерал Геннадий Трошев. Он контактировал с Асланом Масхадовым, который занимал должность начальника Главного штаба Вооружённых сил непризнанной Чеченской Республики Ичкерия. Я несколько раз участвовал в подготовке Трошева к встрече с Масхадовым. Доводил вопросы, которые было необходимо решить, а после – принимал отчёт. Помню, чтобы обеспечить запись разговора, предложил Трошеву воспользоваться звукозаписывающей техникой. А он говорит: «Да, неудобно, они проверят, генерал – и с техникой...» Поэтому вместе с ним я отправлял С., сотрудника контрразведки. Он выступал в роли помощника Трошева и носил на себе звукозаписывающую технику. Потом записи переговоров с Масхадовым расшифровывались и использовались по необходимости.

Ещё одной ключевой задачей было освобождение наших военнопленных через обмен или выкуп.

– Были ли в этой Вашей работе необычные или запоминающиеся эпизоды?

ЧЕЧНЯ, ХАНКАЛА, МАРТ 1995 ГОДА
(В.И. БУГРЕЕВ – ВО ВТОРОМ РЯДУ, ВТОРОЙ СЛЕВА)

– Однажды мне потребовалась крупная сумма на выкуп. Я обратился к генерал-полковнику Анатолию Куликову – командующему Объединённой группировкой федеральных сил по восстановлению конституционного строя и пресечению деятельности незаконных вооружённых формирований на территории Чеченской Республики и на Северном Кавказе. Вам он известен как генерал армии, министр внутренних

разил: «Если бы он не сдался, все были бы уничтожены, в том числе солдаты. Учитывая, что речь идёт не о войне в классическом понимании, а о противостоянии с бандитами, это неразумно». Куликов тоже на меня немножко обиделся в этой ситуации. Он планировал обменять этих боевиков на пленённого подполковника внутренних войск. Тогда я, помню, сказал: «Поймите, для меня разницы нет, чей военнослужащий: Министерства обороны, МВД, ФСБ. Все они – свои».

В общей сложности при моём участии были возвращены из плена 34 солдата, сержанта и офицера.

– Случались ли ситуации, когда Ваша жизнь оказывалась под угрозой? Что Вы чувствовали в тот момент?

– Постоянно. На каждом шагу не исключались засады, обстрелы, минирование. Но как в Афганистане, так и в Чечне можно было опасаться, бояться, остерегаться, итог один – кому как повезёт.

ЧЕЧНЯ, МАЙ 1995 ГОДА (В ЦЕНТРЕ СЛЕВА НАПРАВО – Н.Д. КОВАЛЕВ, С.В. СТЕПАШИН, В.И. БУГРЕЕВ)

Помню, неоднократно прилетал директор ФСК России Сергей Степашин. Его должна была сопровождать группа «Альфа», которую возглавлял подполковник Сергей Шишин, он потом стал генерал-полковником, заместителем начальника ФСБ России Николая Патрушева. Но Степашин отмечался: «Да, что там сопровождать-то? БТРы эти...» Поэтому он, будущий директор ФСБ России Николай Ковалёв, который в Чечне

ловек, то есть играл свою роль до последней мелочи. Отказался и с угрозой для жизни возвратился в расположение боевиков. Что было дальше – тайна контрразведки.

– Как всё запутанно! Как можно быть уверенным, что тот или иной агент – действительно наш, а не вражеский?

– Это наша работа, например, есть понятие «проверка». Поэтому я всегда подчинённым говорю: «Если хотите, чтобы ре-